

S. GALLAGHER

HOW THE BODY SHAPES THE MIND.

NEW YORK: OXFORD UNIVERSITY PRESS, 2005

(ГАЛЛАХЕР С. КАК ТЕЛО ФОРМИРУЕТ СОЗНАНИЕ)

Данная книга, вышедшая в свет в 2005 году, во многом результирует, собирает в теоретическое, творческое, тематическое единство исследования (статьи, совместные проекты, семинары) Галлахера за предыдущие несколько лет в сотрудничестве с мыслителями различных научных областей (нейрофизиология, когнитивная психология, феноменология, аналитическая философия).

Тематическим единством, основным субстратом данного исследования является *во-площенный* (во плоти существующий), телесный опыт (**embodied experience**), **феноменологически, нейрологически, физиологически**, с точки зрения психологии развития (developmental psychology), психологии поведения представленное тело или феномен воплощения (**embodiment**). **Вопрос о телесности нашего опыта, в какой мере тело участвует в процессе сознания, его формировании и функционировании, образовании самости субъекта и его экзистенции, в познавательной деятельности субъекта, по мнению Галлахера, нуждается в постоянно расширяющемся феноменологическом понимании, которое бы учитывало достижения других научных дисциплин (нейрофизиологическое изучение пренатального периода, изучение патологических случаев в психологии (шизофрения, аутизм), изучение целого ряда вопросов философии сознания (body/mind problems), включая вопрос об искусственном интеллекте и т. д.).** Безусловно, Галлахер один из тех мультидисциплинарных авторов, который может на достаточном уровне компетентности работать с материалом вышеперечисленных наук. Во многом это стало возможным благодаря его коммуникации и совместным проектам с такими учеными как Д. Захави, Д. МакНайл, Ф. Варела и др.¹

¹ Gallagher S., McNeill D. Gesture following deafferentation: A phenomenologically informed experimental study // Phenomenology and the Cognitive Sciences. 2002. Т. 1 (1).

Наряду со сциентистски насыщенным, плотным текстом, эта книга обладает еще одним важным достоинством, состоящим в методическом принципе автора, который можно охарактеризовать как *герменевтическую установку*, или верность герменевтическому событию. Несмотря на множество аспектов в вопросе о телесности, которые поднимает автор в книге, он не выстраивает из них иерархическую модель, какой бы удобной она не казалась, стараясь избежать как чисто редукционистского, сциентистского подхода, так и метафизических допущений, уводящих от конкретного экзистенциально-феноменологического опыта. Галлахер работает локально с каждым из них в их собственном контексте, произрастая вместе с мыслью изнутри этого контекста по направлению к другим аспектам. Таким образом, книга работает с тремя глобальными вопросами, связанными с телесным опытом: сознание (*consciousness*), познание (*cognition*) и **самость (self)**. Первые два вопроса задают главную линию развития текста, в котором сознание рассматривается с точки зрения его структуры и функционирования в качестве воспринимающего сознания. Вопросы, связанные с познанием (его возникновением в зародыше, образованием чувства принадлежности действия к сфере моего собственного (*sense of ownership*) и **чувства авторства (sense of agency)**, различные модусы познания) подразумевают большую полемическую работу с другими авторами и эмпирического подкрепления. Группа философских вопросов, связанных с самостью, является, скорее, следствием из двух первых и призвана очертить горизонт возможного исследования роли телесности в таких сюжетах, как **чувство авторства (agency)** и **свободная воля (десятая глава)**, **интерсубъективное бытие (девятая глава)**, природа языка (пятая глава) и т. д. Тем не менее, три сферы исследования Галлахера представляют собой единое движение текста, постоянно переплетаясь и переходя друг в друга, так что мы не можем произвести строгого деления внутри текста на три самостоятельные части. Свою основную задачу Галлахер видит в том, чтобы внести свой вклад в создание общего словаря (*common vocabulary*) для вышеперечисленных дисциплин, единой теоретической системы для интегрированных исследований в вопросе о телесности.

P. 49-67; *Gallagher S., Meltzoff A.* The earliest sense of self and others: Merleau-Ponty and recent developmental studies // *Philosophical Psychology*. 1996. Т. 9. P. 213-236; *Gallagher S., Varela F.* Redrawing the map and resetting the time: Phenomenology and the cognitive sciences // *Canadian journal of Philosophy*. 2003. Supplementary vol. 29; *Gallagher S., Jeannerod M.* From action to interaction: An interview with Marc Jeannerod // *Journal of Consciousness Studies*. 2002. Т. 9 (1). P. 3-26.

Во многом, Галлахеру удастся переопределить почву (*redefine the terrain*) данного вопроса и представить некоторые аспекты нового, комплексного понимания тела.

В начале Галлахер определяет феноменологические условия, при которых возникает разговор о телесности нашего опыта. Эти условия задаются структурами воспринимающего сознания. А именно, с одной стороны, тело может входить в поле восприятия как его предмет, и тогда мы спрашиваем о том, как оно нам является и каково его феноменальное бытие. С другой стороны, тело, в свою очередь, обуславливает и формирует нашу способность воспринимать, и тогда мы можем спросить, до какого предела оно участвует в организации опыта и входит в структуру воспринимающего сознания. Важным достижением на данном этапе является различие между телесным образом (*body image*) и телесной схемой (*body schema*), которое Галлахер проводит в первой главе («*The terms of embodiment*»). Представляя множество психологических и нейробиологических концепций, где это различие не всегда удерживалось, а также исследуя феноменологическую традицию, Галлахер показывает, к какого рода затруднениям это может привести в исследовании вопроса о телесности. Стоит отметить, в этой главе как и на протяжении всей книги, одним из источников существенно повлиявших на становление мысли автора является феноменология М. Мерло-Понти.²

В дальнейшем Галлахер особое внимание уделяет анализу телесной схемы как более первичной системы сознания по отношению к телесному образу. Все же их связь и единство необходимы для нормального функционирования психического аппарата в целом, и, при отсутствии или искажении одной из систем, вторая также претерпевает изменения. Примеры подобного искажения в функционировании сознания Галлахер приводит во второй («*The case of the missing schema*») и четвертой главах («*Pursuing a phantom*»), где исследует патологические случаи в психологии (случай анорексии, аутизма, шизофрении) и случаи фантомной части тела (ощущение боли в ампутированной части тела). Эти крайние, необычные примеры помогают провести более четкое различие между двумя системами.

Одним из постоянных сопровождающих примеров книги является случай Яна Ватермана, лишившегося контроля над своим телом, в част-

² В частности, Галлахер обращается к понятию «*schema corporel*» и ее связи с *маргинальным* сознанием собственного тела. См.: Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.

ности, чувства проприоцепции и чувствительности от шеи до ног.³ Чтобы сделать любое физическое движение, например, взять стакан воды, Яну необходимо сильно концентрироваться на этом движении и сопровождать его, по возможности, тотальным контролем сознания. Такой случай представляет собой пример функционального замещения телесной схемы телесным образом. А именно, Яну приходится задействовать телесный образ для того, чтобы совершить действие, сопровождая его сознательным контролем и визуальным восприятием собственного тела,⁴ в то время как в нашем обыденном опыте эту функцию выполняет телесная схема на недоступном для рефлексивного сознания уровне. Изучение телесной схемы дает представление о работе скрытой преноэтической (prenoetic) структуре до-феноменологического сознания. Это деление мало похоже на классические дихотомии сознательное-бессознательное, актуальное-латентное и т. д., скорее, это функциональное, или теоретическое различие, которое может смещаться в зависимости от рассматриваемого контекста.⁵ Галлахера интересует до какого предела, в какой степени наш сознательный опыт принуждаем и обусловлен деятельностью преноэтической структуры. Чтобы ответить на этот вопрос в шестой («Prenoetic constraints on perception and action») и седьмой главах («Neurons and neonates: reflections on the Molyneux problem») Галлахер обращается к нейрологическим и нейролингвистическим исследованиям функций мозга, познавательных процессов у новорожденных, а также к наблюдениям пренатального периода.⁶ Одним из

³ *Gallagher Sh., Cole J.* Body schema and body image in a deafferented subject // *Journal of Mind and Behavior*. 1995. Т. 16. P. 369-390.

⁴ Таким образом, визуальное восприятие восполняет недостающую проприоцепцию. Так же следует помнить, что термины «телесный образ» и «телесная схема» отсылают к особому функционированию психического аппарата, представленному в виде двух систем, а не к онтическому содержанию этих выражений.

⁵ The questions about phenomenal and hidden (prenoetic) structures signify a theoretical distinction that from a behavioral or existential perspective may seem too abstract. The distinction between phenomenal and prenoetic structures, however, is a relative one, and is not meant to signify two different ontological categories or classes of things that pertain to embodied consciousness. Furthermore, if one were tempted to take this distinction as signifying something along the lines of manifest versus latent, or conscious versus unconscious, one would be led in the wrong direction. It may be best to think of it as a functional distinction, so that the lines drawn between phenomenal structure and prenoetic structuring may differ from one context to the next (*Gallagher S.* How the body shapes the mind. P. 5).

⁶ В контексте этой проблемы Галлахер занимается вопросом, известным как *Molyneux problem*. Основное содержание вопроса состоит в следующем: допустим, что слепой от рождения человек, который познавал все вещи посредством только так-

достижений на этом этапе является эмпирическое подтверждение изначальной интегрированности, сложного взаимодействия чувств, участвующих в самых первых переживаниях ребенка и формирующих его опыт. Это сложное и в то же время слаженное действие чувств позволяет говорить о функционировании телесной схемы уже на этом этапе. Важное понятие, которое проясняет действие телесной схемы, — это проприоцепция (proprioception).

В одном из первых определений Галлахер пишет о нем как о телесном чувстве, с помощью которого мы знаем как наше тело и его части расположены в пространстве.⁷ Далее, он выделяет в проприоцепции два момента: проприоцептивная информация (proprioceptive information) и проприоцептивное о/сознание (proprioceptive awareness). Первое функционирует как часть телесной схемы на под-личностном (subpersona) уровне, не достигая порога сознания (регистрируя различные импульсы и аффектацию на нейронном уровне). Второе уже предполагает некое маргинальное сознание (awareness) собственного тела, которое действует все же на до-перцептуальном уровне и не предполагает дистанционного отношения с собственным предметом (мое тело как воспринимаемый объект, body percept), а непосредственно действует вместе с ним.⁸ Будучи более поздним приобретением, проприоцептивное сознание связано с такими чувствами, как чувство *своего* тела и действий, происходящих в нем, как принадлежащих мне (sense of ownership) и чувство себя как автора, деятеля своих движений и действий (sense of agency).⁹

тильного ощущения, в том числе, различал сферу от куба, вдруг обретает зрение. Сможет ли он тогда отличить сферу от куба с помощью зрения, до тактильного соприкосновения с ними? Этот вопрос был задан Дж. Локку в комментарий на его «Опыты о человеческом разумении» философом У. Молине. Ответ Локка был отрицательным. Галлахер предлагает свое видение этой проблеме и свое решение вопроса, опираясь на полученные опытные данные других наук.

⁷ Gallager S. How the body shapes the mind. P. 43.

⁸ Shoemaker S. Identity, Cause, and Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

⁹ На лицо сложность перевода подобных понятий на другие языки. Например, П. Рикер переводит agency как *puissance d'agir* (способность, потенция к действию). Несомненно, agency указывает на реальную возможность осуществить то или иное действие для субъекта. Также оно указывает на субъективное состояние решимости на эту возможность. Но, кажется, этому переводу не достает еще одного важного значения, а именно, понимания момента осознания субъектом себя в качестве деятеля и автора, самостояния субъекта в этой решимости на конкретную возможность действия, отдавания себе отчета в самостоятельности этой решимости и в ее авторстве. В конце концов, это чувство вменяет мне в вину мое действие и ставит перед ответственностью за него. Agency рождает множество философских сюжетов, таких, как

В обычном опыте эти два чувства всегда идут вместе, если речь идет о намеренном действии.¹⁰ А именно, чувство принадлежности действия говорит мне о том, что это действие происходит в *моем* теле — одно из важных приобретений субъекта в развитии, чувство авторства — о том, что я являюсь автором этих мыслей, инициатором этого действия. Эти два чувства, в отличие от проприоцепции, уже происходят на перцептуальном уровне и свидетельствуют о более развитом психическом аппарате. Чувство принадлежности действия больше связано с самим процессом, происходящем внутри моего тела, и отчасти исполняет роль перцептуального контроля над действиями моего тела. Данная работа чувства принадлежности действия еще не является сознательной и связывается Галлахером с одной из трех функций телесного образа, а именно, с восприятием тела (*body percept*).¹¹ Чувство авторства оказывается более тесным образом связано с работой телесной схемы. Оно предвосхищает действие, участвует в его образовании (*subtend*) до акта его свершения. На мой взгляд, исследование чувства авторства — одна из самых перспективных задач современной феноменологии времени, предметом которой оказывается феномен временения сознания, временной зазор между намерением и актуальным свершением задуманного, который всегда присутствует на под-личностном уровне при любом нашем действии или акте мышления. Некоторые аспекты этой феноменологии мы можем найти в восьмой главе («Complex structures and common dynamics of self-awareness»), где Галлахер дает феноменологическое представление о времени как о телесно-структурированном процессе, в котором участвует телесная схема, отчасти опираясь на различные интерпретации гуссерлевской феноменологии времени, отчасти опираясь на современные исследования в области нейрофизиологии и когнитивной психологии. Таким образом, чувство авторства разво-

свободная воля, сознательный выбор, фронезис и ответственность в поступке и т. д. Понятие *ownership* рассматривается в более узком специальном, научном контексте и имеет менее развернутую историю философской герменевтики.

¹⁰ Как раз пример ненамеренного действия может показать их функциональную разницу. Галлахер приводит пример с «вложенными мыслями» или «чужой рукой». В данных случаях субъект обладает чувством принадлежности действия (он знает о том, что эти мысли звучат в его голове, или о том, что эти действия совершаются в его теле), но он не чувствует себя их автором, он не обладал намерением совершать эти действия.

¹¹ Помимо этого телесный образ может функционировать как концепт (*body concept*) — то, как субъект понимает свое тело, и как аффект (*body affect*) — эмоциональное восприятие или установка к своему телу.

рачивается в протенциальном горизонте времени и представляет собой структуру моего намерения. Это позволяет говорить о времени как о событийном разворачивании моей самости в качестве действующего субъекта.

Еще одно важное направление мысли, которое можно проследить по путеводной нити вопроса о телесном опыте — это тема интерсубъективности, наиболее детально рассмотренная в девятой главе («*In interactive practice of mind*»). Главная предпосылка, ставшая уже, в некотором смысле, очевидностью для многих современных философских проектов, состоит в том, что опыт со-бытия с другим первичен по отношению ко всем остальным видам опыта. Эту мысль Галлахер подтверждает и разворачивает далее на основе анализа роли телесности в первичном опыте младенца. Галлахер разделяет первичную интерсубъективность и вторичную.¹² Важную роль для первого этапа играет различение себя от окружения (*environment*). Другие на данном этапе представлены как некие сущности (*entities*) в этом окружении, отличные от меня самого, но, все же, родственные мне. Здесь Галлахер обращается к понятию «экологического Я».¹³ Уже во вторичной интерсубъективности, ребенок способен проследить за взглядом другого и вместе с ним разделить одну и ту же интенцию, один и тот же контекст. Самые первые переживания новорожденного демонстрируют нам сложную психическую работу сознания, которая уже предполагает фигуру другого и осознание контекста, в котором происходит различения сферы другого от сферы своего собственного бытия. Примеры экспериментов и нейрологических исследований, которые приведены также в третьей главе («*The earliest senses of self and others*»), показывают, что младенец способен имитировать простейшие мимические жесты, которые он видит на лице другого. Это позволяет говорить нам о наличии у него проприоцептивного осознания (*awareness*)¹⁴ своего лица и визуального восприятия лица другого и их интегрированного действия.

¹² *Gallagher S., Hutto D. Understanding others through Primary Interaction and Narrative Practice // The Shared Mind: Perspectives on Intersubjectivity. Amsterdam: John Benjamins 2008. P. 17-39.*

¹³ У. Найссер выделяет пять различных видов «самости», представленных в соответствии со ступенями развития сознания, первый из которых определяется как экологическая самость (*Neisser U. Five kinds of self-knowledge // Philosophical psychology. 1988. T. 1 (1). P. 35-59.*

¹⁴ Чаще всего Галлахер говорит о визуальной проприоцепции у младенца как более слабой форме проприоцептивного осознания.

В заключительной главе Галлахер суммирует достижения предыдущих глав, выстраивая таблицу основных понятий общего словаря, которые отражают аспекты обыденного человеческого поведения с точки зрения научного описания опыта (нейрофизиологии и психологии развития) и феноменологического. Также Галлахер приводит список «найденных фактов», которые иллюстрируют эти взаимосвязи. Важно помнить, что эти факты указывают на аспекты моего опыта, которые проходят на не-сознательном, до-рефлексивном и под-личностном уровне. Таким образом, представленная книга дает нам еще одну возможность заглянуть по ту сторону сознательного (before you know it).

Анна Хахалова